

Д. И. ЭДЕЛЬМАН

К ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА (ИРАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К БАЛТО-СЛАВЯНСКИМ ОБОРОТАМ «НОМИНАТИВ + ИНФИНИТИВ»)

Обороты типа русского „земля пахать“ (так называемый *Nominativus cum infinitivo*), наблюдаемые в литовском, латышском и восточнославянских языках (главным образом, в русском), давно привлекают к себе внимание лингвистов. Имеется ряд публикаций ведущих исследователей, посвященных изучению этих оборотов как в синхронном, так и в диахроническом плане¹. Многие исследования посвящены также проблемам сравнительно-исторического, историко-типологического и ареального контекста становления и синхронного функционирования данных оборотов и других, так или иначе связанных с рассматриваемыми здесь и выявляющих их место в языке².

Очень важным для анализа конструкций „номинатив+инфинитив“ в разных языках представляется уточнение проблемы, сделанное Ю. С. Степановым, который пишет: „... проблему составляет не „Им. п. вместо Вин. п.“ и даже не „Им. п. вместо Вин. п. при инфинитиве“, а то, что весь оборот в целом появляется почти исключительно в предложениях с модальностью, главным образом, с модальностью необходимости, долга; собственно проблеме составляет оборот „Надо земля пахать“³. Это положение существенно

¹ Здесь не приводится история и библиография вопроса. И то, и другое представлено в основном в обобщающей статье: Степанов Ю. С. Оборот „земля пахать“ и его индоевропейские параллели (Балто-славянское предложение. I). — Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. М., 1984, т. 43, № 2.

² Из работ последних десятилетий см., напр.: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964; Журавлев В. К. *Nominativus cum infinitivo* с точки зрения теории нейтрализации. — *Baltistica*, 1984, t. 20(2); Ambrazas V. Zur Geschichte einer indoeuropäischen Konstruktion (*Dativus cum Infinitivo im Baltischen*). — *Kalbotyra*, 32 (3), 1981; Его же: доклад на Международной конференции балтистов в 1985 г. (тез. см.: Ambrazas V. *Nominatyvo ir datyvo su infinityvu genetiniai ryšiai*. — *Tarptautinė baltistų konferencija. Pranešimų tezės*. V., 1985); Амбразас В. Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков. — В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985 и др.

³ Степанов Ю. С. Указ соч., с. 129.

конкретизирует объект изучения и дает возможность исследования и сравнения сходных оборотов (и их истории) в других языках, включая другие индоевропейские, в том числе и те, что не имеют древней письменности. А это предоставляет, в свою очередь, новый материал для сравнения, который может пролить дополнительный свет на некоторые аспекты данной проблемы и в самих балто-славянских языках.

В частности, интересный материал дают в этом плане живые иранские языки, где также встречаются обороты сходного типа. В принципе в живых иранских языках нередки конструкции, где имя прямого объекта оформлено номинативом или прямым падежом (а в языках, лишенных падежной системы, — чистой основой) вместо аккузатива или косвенного падежа (или соответственно — предложных и послеложных сочетаний), которые характерны для этих языков при обычном оформлении прямого объекта. Обороты с номинативным (в широком смысле этого слова) объектом в иранских языках можно подразделить условно на три типа.

I тип — наиболее поздний. В его появлении большую роль сыграла относительно поздняя тенденция выражения некоторых именных категорий оформлением имени прямого объекта. Так, категории личности/неличности (человека/не-человека), единичного/категориального, определенности/неопределенности и некоторые другие, наряду с иными способами их выражения (напр., артиклями, показателями числа имен, формой сказуемого и др.), могут быть представлены и формой прямого объекта. В частности, имя со значением не-лица (т. е. названия предметов, животных, явлений, абстрактных понятий и т. п.) может выступать в этой функции в виде неоформленной основы (исполняющей в ряде языков разные синтаксические роли, в том числе и те, что свойственны номинативу или прямому падежу). То же относится к другим именам, когда они выступают в том или ином контексте в значении общего, категориального, неединичного, либо неопределенного объекта⁴. Такой тип оформления имени прямого объекта, характеризующий его (имени) денотат в плане его постоянного (лексически закрепленного) или ситуационного (контекстуального) признака, связан с несколькими факторами.

Его исторической предпосылкой явилось затухание древней падежной системы, начавшееся уже в древнеиранских языках: ср. совпадение здесь генитива и датива, неразличение номинатива и аккузатива ряда имен, особенно

⁴ Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. — М., 1952, вып. 1, с. 48—54; Ее же: Краткий очерк грамматики персидского языка. — В кн.: Персидско-русский словарь/Сост. Миллер Б. В. М., 1953, с. 627—628; Ефимов В. А., Керимова А. А. Юго-западная группа. [В разделе „Иранские языки“.] — В кн.: Языки Азии и Африки. II. М., 1978, с. 160—161.

во множественном числе, при том, что сохраняется и единая форма номинатива-аккузатива для имен среднего рода (хотя имя объекта в таких оборотах употреблялось еще в аккумулятиве, см. авестийский *yezi vasēn mazdayasna zān raoiduqm hixtayaēča karštayaēča parakantayaēča* „если хотят маздаясны землю (акк.) пахотную (акк.) орошать и обрабатывать и перекапывать“), приведшее в ряде языков к полной утрате падежей и к переходу на выражение синтаксических отношений имен предлогами, послелогоми и позицией в предложении имени неоформленного, т. е. именной основы.

Отсюда — связь оформления имени объекта с актуальным членением предложения, т. е. с вхождением объекта в состав темы или ремы, с примыканием к глаголу и т. п.⁵, при том, что маркированное имя (обозначающее лицо либо указывающее в данном контексте на единичность, дифференцированность или определенность объекта и т. п.) чаще входит в состав темы. Ср., напр., таджикский (сокр.: тадж.) *yak zamin doštem, onro mekoštem*⁶ „мы имели один [участок] земли, его обрабатывали“; шугнанский (сокр.: шугн.) *wuz-ta ħal ħūk niħēbum* „я все еще колыбель качаю“; *māš-ta bād as du medħi zamīn dar ċērt kinām* „мы через два дня начнем пахать нашу землю“ и т. д.

Этот тип „нулевого“ оформления прямого объекта встречается в иранских языках в самых различных предложениях и не ограничен инфинитивной формой управляющего глагола. Поэтому в дальнейшем они здесь не рассматриваются, хотя можно отметить тот интересный факт, что в некоторых языках употребление имени прямого объекта при инфинитиве вообще ослабляет возможность использования грамматических показателей объекта. Имя выступает в виде чистой основы, как бы инкорпорируемой в глагол, и весь комплекс „имя+инфинитив“ от значения „что-то делать“ стремится перейти к значению „что-то-делание“ („землепахание“, „бельёстирание“ и т. п.); инфинитив „возвращается“ здесь к своей первоначальной семантике имени действия, имя объекта функционально приближается к определению (особенно в языках, где определение препозитивно). Если же инфинитив выступает при этом в усеченной форме, то такое сочетание — уже почти композит.

II тип — логически как бы вырастающий из первого, но на деле более старый, — встречается спорадически уже в древних иранских языках⁷, хотя особенно развивается во всех живых языках, — представляет собой сочетание глагола с именем неоформленным, т. е. с именной основой. Это так наз.

⁵ Расторгуева В. С. Очерки..., с. 125.

⁶ Таджикский материал приведен в транскрипции для упрощения набора.

⁷ Соколов С. Н. Авестийский язык. — М., 1961, с. 73.

сложноименные глаголы, к которым относятся устойчивые сочетания „имя + глагол“ разной степени фразеологичности и лексикализации: ср. тадж. *kor kardan* „работать“ (букв. „дело делать“), где общее значение равно сумме значений компонентов, а с другой стороны, *gūš kardan* „слушать“ (букв. „ухо делать“), *gap zadan* „говорить“ (букв. „слово бить“), *γam xūrdan* „горевать“ (букв. „грусть есть“) и т. п., где общее значение не равно сумме значений компонентов. Сложноименные глаголы иногда впоследствии становятся единым словом-композицией с вынесением всех грамматических формантов за его пределы: ср. шугн. *dāk-i čūd||dā(k)-ču-yi* „[он] дал“. Этот тип „нулевого“ оформления объекта тесно связан с затуханием древнего глагольного словообразования и с развитием нового — сложноименного.

Оба рассмотренных типа „номинативного“ или „нулевого“ оформления имени прямого объекта не закреплены за инфинитивной формой основного глагола и за модальностью контекста, поэтому их следовало выявить, чтобы исключить из дальнейшего рассмотрения интересующих нас оборотов типа русского „надо земля пахать“. Исключаются из этого рассмотрения и сходные обороты в таких языках, как афганский (пашто), мунджанский, курдский и ряд других, где имеется так наз. эргативная, или эргативообразная, конструкция предложения в „классическом“ для иранских языков виде — с косвенным падежом имени субъекта, прямым падежом имени объекта и объектным согласованием глагола в группе прошедших времен. В таких языках основа инфинитива осознается как сходная с основой прошедшего времени (историческим причастием), поэтому прямой падеж имени объекта (или чистая именная основа) при инфинитиве — здесь норма для любого контекста.

Таким образом, в сфере дальнейшего рассмотрения остаются обороты типа „надо земля пахать“ только в тех иранских языках, где глагол согласуется с субъектом и где нормой является „аккузативное“, „косвенное“ или предложно-послеложное оформление имени прямого объекта.

Этот — III тип оборотов — в данных языках, возможно, древен, хотя по памятникам проследить его трудно: в силу скудости текстов в них выявляются далеко не все фрагменты синтаксиса. Прослеживаются они в живых языках, и здесь действительно обнаруживаются случаи, сходные с балтийскими и русскими. См., напр., язгулямский (сокр.: язг.) *dars-ay nər wərjānaǰ ɣi* „надо сегодня провести урок“ (букв. „урок-есть сегодня [в] провести нуждающийся“); рошорвский *na yā čaniz bift, na yā pumba ded bift* „его (т. е. камень) нельзя ни обкопать, ни взорвать“ (букв. „ни он обкопать можно, ни он взорвать можно“), при нормативном *waz a-wi ... divisiz yosum* „я его показать ... отнесу“ или *wi taleptow sāwan* „идут его искать“ и т. п.⁸

⁸ Курбанов Х. Рошорвский язык. — Душанбе, 1976, с. 138, 302 и др.

Таких примеров немного, и для каждого из языков они представляют аномалии. Однако повторяемость самого типа „исключений“ по языкам и использование в язгулямском языке предикатива γu „нуждающийся“ (см. ниже) — эти факты уже сами по себе значимы. Представляется, что в этом плане иранские языки дают дополнительные аргументы в пользу положений, высказанных Ю. С. Степановым о становлении таких оборотов в результате сложения двух конструкций: (1) типа „мне есть (надобъ) земля“ и (2) типа „земля есть (надобъ) пахати“, а также о пассивном (во всяком случае, первоначально) значении инфинитива во второй конструкции⁹.

Таковыми аргументами, как кажется, являются следующие характеристики этих и подобных им оборотов в иранских языках.

1. Данные инфинитивные обороты долженствования, возможности связаны с выражением категорий состояния и посессивности, хотя эта связь и не прямая. Эти обороты трансформируются следующим образом: „мне (надо) землю пахать“ = „я имею (надобность) землю пахать“; „земле (надо) пахаться (//быть вспаханной)“ = „земля имеет (надобность) пахаться (//быть вспаханной)“, ср., напр., двойное значение лит. *turėti* „иметь“ и „долженствовать“.

2. Выражения состояния и посессивности в иранских языках имеют существенные ограничения: в большей части этих языков глагол с абстрактным значением „иметь“ либо вообще отсутствует, либо занимает слабые позиции в языковой системе, что выражается, в частности, в его редком использовании или неиспользовании в качестве вспомогательного. В результате целый ряд значений, связанных в той или иной мере с состоянием и посессивностью, выражается здесь связочными конструкциями с косвенными падежами имени логического субъекта. Таково, напр., выражение обладания и наличествования (т. е. понятие „я имею землю“ выражается конструкцией „у меня есть земля“), состояния („у меня есть боль“//„мне есть боль(но)“, „мне есть желание“//„мне есть желательно“, „мне есть голод//голодно“, „мне есть приятно“, „мне есть ненавистно“ и т. п.), долженствования („мне есть надо//надобность“, „мне есть нужда//нужно“ и т. д.), возможности („мне есть (воз)можно//возможность“), результативности („у меня есть сделано//сделанное“, вместо „я имею сделанным“, как, напр., в романских или германских языках) и ряд других. При этом связка здесь факультативна, а в ряде языков практически неупотребительна или отсутствует для 3-го лица.

Об отсутствии или слабой позиции глагола „иметь“ уже писали немало, начиная с А. Мейе, здесь же хотелось бы еще раз подчеркнуть, что глагол со столь абстрактной семантикой вообще развивается относительно поздно и

⁹ Степанов Ю. С. Указ. соч., с. 137, 139 и др.

к тому же далеко не во всех языках мира¹⁰. Достаточно напомнить, что в индоевропейских языках, напр., он развивался в различных группах параллельно и из разных этимологически индоевропейских корней, обозначавших первоначально „схватывать“, „держать“, а затем уже (и не во всех языках данных групп) — „содержать“ → „иметь“: в славянских языках закрепился индоевропейский корень *em-, в балтийских *tuer-; tur- (ср. лит. tverti ~ turėti), в италийских — *ghabh-, в германских — *kap-, в иранских — *dher-, dherə¹¹. При этом во многих иранских языках данный глагол так и не „дотянул“ до абстрактного значения „иметь“ или не стал употребителен. В результате связочные конструкции типа „у меня есть дом“, „мне есть холодно“, „мне есть нужно“ и т. п. остаются по-прежнему распространенными средствами выражения всей указанной гаммы значений, так или иначе связанных с посессивностью и состоянием, включая долженствование, возможность.

3. Во всех этих конструкциях наличествования, состояния, долженствования и пр. в качестве формального предиката выступает факультативная связка (или глагол „быть“ в разных временных формах, лишенный собственной семантики) в сочетании со значимой частью. Существенно при этом то, что значимая часть представлена именным компонентом — будь то имя существительное (или прилагательное) или наречие (поскольку в иранских языках строгой границы между ними обычно не бывает, т. е. „боль//больно“, „голод//голодно“, „холод//холодно“, „желание//желательно“, „надобность//надо“ и т. п.), либо глагольное образование соответствующей семантики и именной грамматической валентности — т. е. глагольное имя — причастие, деепричастие, инфинитив („сделано//сделанное“, „делать“, „делаться“ и т. п.).

Таким образом для всех этих конструкций, при их семантических различиях, характерны грамматически единые или однотипные предикаты — именные предикаты с факультативной связкой.

4. В этих условиях вполне естественной оказалась контаминация различных конструкций. В истории иранских языков действительно наблюдаются примеры совпадения так наз. эргативной конструкции с переходными глаголами с конструкциями состояния (физического и психического), что вызвало определенные перебои в их выражении и „сдвиги“ в историческом раз-

¹⁰ Benveniste É. *Être et avoir dans leurs fonctions linguistiques.* — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1960, vol. 55 (рус. пер.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974, с. 203 — 224).

¹¹ Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern etc., 1959, S. 252, 310 — 311, 407, 527, 1101.

витии данных конструкций¹². Данный же случай — соединение двух конструкций в одну, как бы „нанизывание“ двух именных предикативов на одну связку, — прежде не отмечался, но он вполне укладывается в общую линию развития связочных оборотов в таких языках — со всеми колебаниями в этом развитии и его закономерными в целом „исключениями“.

5. Отсутствие глагола „иметь“ или слабое его развитие и наличие и значительное многообразие связочных конструкций было поддержано в разных ареалах распространения иранских языков (а также индоарийских и др.) субстратным (и частично адстратным) воздействием со стороны местных неиндоевропейских языков, не имевших данного глагола. То же могло происходить и в ареале балто-славянских языков под воздействием финно-угорского субстрата (или раннего адстрата, представленного вкраплениями финно-угорских диалектов в этом регионе), поскольку в большинстве финно-угорских языков нет глагола „иметь“. Такое субстратное воздействие могло тормозить семантическое становление данного глагола, а кроме того, в языках, где он все же оформился, — ослабить его позиции или препятствовать его развитию как вспомогательного в сфере глагольной грамматики и идиоматики. Этот факт закреплял и развивал выражение наличия, состояния, должествования и т. п. связочными конструкциями¹³.

Таким образом, несмотря на различие языков субстратов в ареалах распространения иранских языков и балто-славянских — как с материальной точки зрения (это были языки различных семей), так и с континентно-типологической (об этом говорят многие данные, которые не рассматриваются здесь за недостатком места), их воздействие на указанные языковые группы индоевропейской семьи в плане становления глагольной лексики было единообразным. А это стимулировало единообразие построения оборотов типа „надо земля пахать“.

6. Знаменателен и частный случай таких конструкций в иранских языках, а именно — язгулямская конструкция с предикативом γu , обозначающим в разных контекстах: 1. „хотящий, желающий“; 2. „любящий“; 3. „нуждающийся“, если учесть, что слово восходит к общеиранскому корню **gau-*

¹² Эдельман Д. И. О конструкциях предложения в иранских языках. — ВЯ, 1974, № 1, с. 29–31, 33.

¹³ В иранских языках картина осложнена последующим субстратным влиянием отдельных иранских языков, где глагол „иметь“ отсутствует (под субстратным же воздействием неиндоевропейских языков), на другие иранские языки и даже часть диалектов, которые распространились на данной территории позднее (см., напр.: Эдельман Д. И. О некоторых синтаксических конструкциях в таджикских говорах Бадахшана. — В кн.: Вопросы языкознания: Сб. статей. Душанбе, 1975.

„нуждаться“, „быть нужным“ (ср. ягнобский $\gamma aw-$, согдийский $\gamma w-$, осетинский $q\ddot{a}w-$, $\gamma\ddot{a}w-$, бактрийский $\gamma\alpha o-$, хорезмийский $\gamma aw-$ и т. п., ср. соответствующее ведийское $gavyu-$ с развитием семантики „желать скота, нуждаться в скоте“ → „желать чего-либо, нуждаться в чем-либо“). Употребление этого слова в данной конструкции (см. выше) подчеркивает, что инфинитив в ней имеет пассивное значение: „земля нуждается быть вспаханной“. Поэтому дословный перевод такой конструкции „земля нуждается пахаться“ не был бы натяжкой.

Итак, сравнение оборотов типа „надо земля пахать“ с соответствующими иранскими подтверждает положение Ю. С. Степанова об их происхождении и проливает дополнительный свет на общий исторический фон, способствующий их появлению в языковой системе.

ON SOME PROBLEMS OF HISTORICAL SYNTAX (IRANIAN PARALLELS TO THE BALTO-SLAVIC CONSTRUCTIONS „NOMINATIVUS CUM INFINITIVO“)

Summary

The constructions of the Russian „надо земля пахать“-type (containing the infinitive and the object in Nom.) find their parallels in some Iranian languages. These parallels support the standpoint of Yu. Stepanov that such constructions have appeared by means of amalgamation of two copulative constructions: „мне есть (надобѣ) земля“ and „земля есть (надобѣ) пахати“ (with the passive meaning of infinitive in the second construction).

The development of such infinitive constructions in the Iranian languages must be ascribed to the abundance of various copulative constructions with the meaning of possession, state, debilitiveness, possibility, resultativeness, etc., and to the process of contamination of some of them. In its turn, this state is due to the absence (in most of the Iranian languages) or to the „weak“ position in the language system (in the rest of them) of the verb „to have“.

The situation seems to be supported by the influence of a substratum, i.e. non-Indo-European languages of the area, which did not possess this verb.

We may presume then that the substratum influence of the Finno-Ugric languages (which in their majority also do not possess the verb „to have“) upon part of the Balto-Slavic languages was an analogous one: it has held back the development of the verb „to have“, it „weakened“ its position in the language system (especially an auxiliary one) and supported the development of various copulative constructions.